

С. В. Иванова

(Киев; Одесса)

ОРУЖИЕ В КЛАДАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Металлические серпы являются одной из основных категорий находок в кладах среднего и позднего бронзового века Юго-Восточной Европы. Традиционно их относят к сельскохозяйственным орудиям. Рассмотрение серпов с позиций семиотики, на фоне этнографических параллелей, позволяет предположить использование части из них в качестве боевого оружия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: серп, оружие, Юго-Восточная Европа, Ближний Восток.

В течение долгого времени считалось, что клады являются отражением кризисной ситуации в обществе, их появление объясняли необходимостью спрятать ценности (в виду близкой опасности или иных негативных причин), следовательно, набор депонированных артефактов формировался стихийно. Анализ кладов различных исторических эпох позволил исследователям прийти к выводу, что такие комплексы следует рассматривать системно, с учетом семиотики и семантики артефактов, его составляющих. Отмечается, что в древних обществах освоение новых территорий (завоевание, покорение) всегда начиналось с ритуала, который символизировал акт мироздания, при этом основным элементом главного ритуала было возведение алтаря, предполагается, что выражением его и являлись клады [Дзиговский, Островерхов, 2010]¹.

В бронзовом веке клады известны на обширной территории евразийской степи. Достаточно традиционными депозитами являются топоры,

тесла, кельты, долота, серпы, наконечники копий, булавки, браслеты, навершия, выполненные из меди/бронзы и помещенные в клады в различном сочетании, порой — формы для их отливки. Часть предметов из кладов без сомнения относится к оружию (проушные топоры, плоские топоры-тесла, наконечники копий, стрел, кинжалы, мечи — как наступательное вооружение; многовитковые наручные браслеты — как защитное). Что касается кельтов, то их трактуют и как орудия труда [Балагури, 1985, с. 485], и как полифункциональные изделия. Считается, что в определенных ситуациях они могли использоваться как орудия труда (рабочие топоры, тесла, мотыги) и как оружие (боевые топоры) — в зависимости от формы и конструкции ручки и, вероятно, необходимости в конкретной ситуации [Клочко, 2006, с. 145]. Достаточно многочисленны в кладах украшения, утварь, литейные формы и пр.

Применение золота и серебра в ряде случаев при изготовлении оружия (преимущественно, в Карпато-Подунавье), ритуал помещения его в землю, придает определенное значение этим артефактам, отмечая особое отношение к ним в рамках того или иного социума. Клады бронзового века распространяются в период достаточно интенсивных культурных трансформаций и перемещений, зачастую связанных с военной экспансией, утверждением на новых территориях. Со средним бронзовым веком связывается формирование культурного круга Бабино, отмечается, что широтное увеличение ареала бабинской культуры на протяжении раннего этапа до Волги и Днестра можно толковать сквозь призму миграций и/или военных походов [Литвиненко, 2009, с. 25]. Складывается культурный блок Сабатиновка-Ноа-Козлод-

---

1. Такой подход, к примеру, позволил интерпретировать так называемые странные клады раннесарматского времени как святилища, соорудившиеся при продвижении сарматских племен на запад [Дзиговский, Островерхов, 2010].

жень, население составляющих его культур оставило не только значительное количество кладов, но известно и военными походами [Клочко, 1990]¹. Часть кладов финала бронзового и начала железного века соотносится с культурами гальштатта. Таким образом, распространение практики создания кладов может быть связано с освоением новых территорий, что было выявлено для более поздних эпох [Дзиговский, Островерхов, 2010].

Вероятно, помещение оружия в землю в составе кладов в эту эпоху отражает не сокрытие вещей от врага, а утверждение их символической (а не только материальной) ценности в рамках определенного человеческого коллектива и в определенных исторических реалиях, указывая на роль военной функции в социальной структуре общества. Исследователи отмечают, что именно при вхождении вещей в ритуальный контекст как в некую семиотическую систему, они осознаются знаками, приобретают тот или иной семиотический статус. Семиотический статус вещей отражает конкретное соотношение символических и утилитарных функций вещи. Он может быть тем выше, чем выше способность вещи символизировать нечто более важное, чем она сама. При этом семиотический статус одной и той же вещи может существенно меняться во времени, пространстве и культурном контексте, а также зависеть от семиотического пространства, в которое вещь помещена [Байбурин, 1981]. Несмотря на ярко выраженную «военную направленность» кладов эпохи бронзы, сочетание оружия и производственных артефактов, найденных в составе клада, с одной стороны, не должно удивлять. Наличие готовых вещей (иногда бракованных), литейных форм, остатков литья позволяет предположить, что в них реализуются представления, связанные с металлургией, скорее всего — ее символической, ритуальной стороной. Ремесла в индоевропейских обществах входили в систему, связанную с сакральными представлениями [Байбурин, 1990, с. 15]. Особенно высок был социальный статус у кузнецов и металлургов, причем, у разных народов он мог быть с положительным или отрицательным знаком [Иванов, Топоров, 1974]. В мифах многих народов мира кузнец / металлург не ограничен в своей деятельности рамками обычного кузнечного ремесла и часто выступает как персонаж, наделенный сверхъестественной созидательной силой, связанной с огнем, и обладающий функциями демиурга — верховного божества или же бога — помощника одного из главных богов, культурного героя и (или) предка. Продолжение работы мастера в загробном мире — гарантия стабильности социума, с чем может быть

связано выделение в погребальном ритуале захоронений мастеров [Цимиданов, 2004, с. 81—82]. Аналогичным образом клад может содержать орудия труда ремесленника (кузнеца / металлурга), изготовленные им вещи, отходы производства, отражая формирование клада в рамках определенной знаковой системы. При этом орудия труда, связанные с созданием новых вещей, в целом, не снижают семиотический статус клада, где в депозитах доминирует оружие. Напомним, что пантеон Ригведы (восходящий к общиндоевропейскому) включает в себя и богов-ремесленников². Представленные в кладах украшения также могут быть связаны с костюмом воина, далеко не во всех культурах украшения являются женским атрибутом.

Но из семиотического контекста «военных» или «военно-производственных» кладов эпохи бронзы, в таком случае, должна исключаться довольно представительная категория инвентаря. Это — широко распространенные (а в некоторых кладах доминирующие) серповидные изделия (серпы), традиционно относимые к сельскохозяйственным орудиям, связанным с жатвой. В такой трактовке этих артефактов, они не относятся к орудиям, связанным с ремеслом, т. е. с «актом творения» и «выпадают» из клада как семиотической системы, воплотившейся в конкретном ритуале: трудно себе представить, чтобы статус сельскохозяйственного орудия равнялся статусу боевого.

Полагают, что с момента распространения металлических серпов в рамках древностей бронзового века (с конца III — начала II тысячелетия до н. э.) в ареале, охватывающем территорию Восточной и Юго-Восточной Европы, выделяется четыре независимых центра производства металлических серпов [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 295]. Изделия каждого из этих центров отличаются своими особенностями: Северокавказский, Волго-Уральский, Центральнотрансильванский и Нижнедунайский (рис. 1). В Северном Причерноморье проявляется воздействие нескольких центров, что находит отражение в сочетании в одном кладах разных вариантов изделий. Серпы отличаются между собой не только по внешнему виду, но и по весу и размеру: от 10 до 35 см длиной, от 20 до 400 гр. весом. Отмечают, что вес изделий уменьшается по мере удаления от источников металла: В Среднем Приднепровье распространены серпы весом 20—60 грамм, а в Приуралье — 300—400 грамм [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 60].

Следует обратить внимание на тот факт, что серпы были распространены в обществах совершенно разной хозяйственной направленности — и в тех, где преобладал земледелие.

1. Напротив, передвижки населения в раннем бронзовом веке (ямная КИО), носили торгово-экономический характер и не отмечены кладами.

2. Тваштар, бог-творец всех существ и вещей, божественный мастер-кузнец, изготовивший оружие богов. Вишвакарман бог-творец, всевидящий и всезнающий, божественный мастер и строитель.

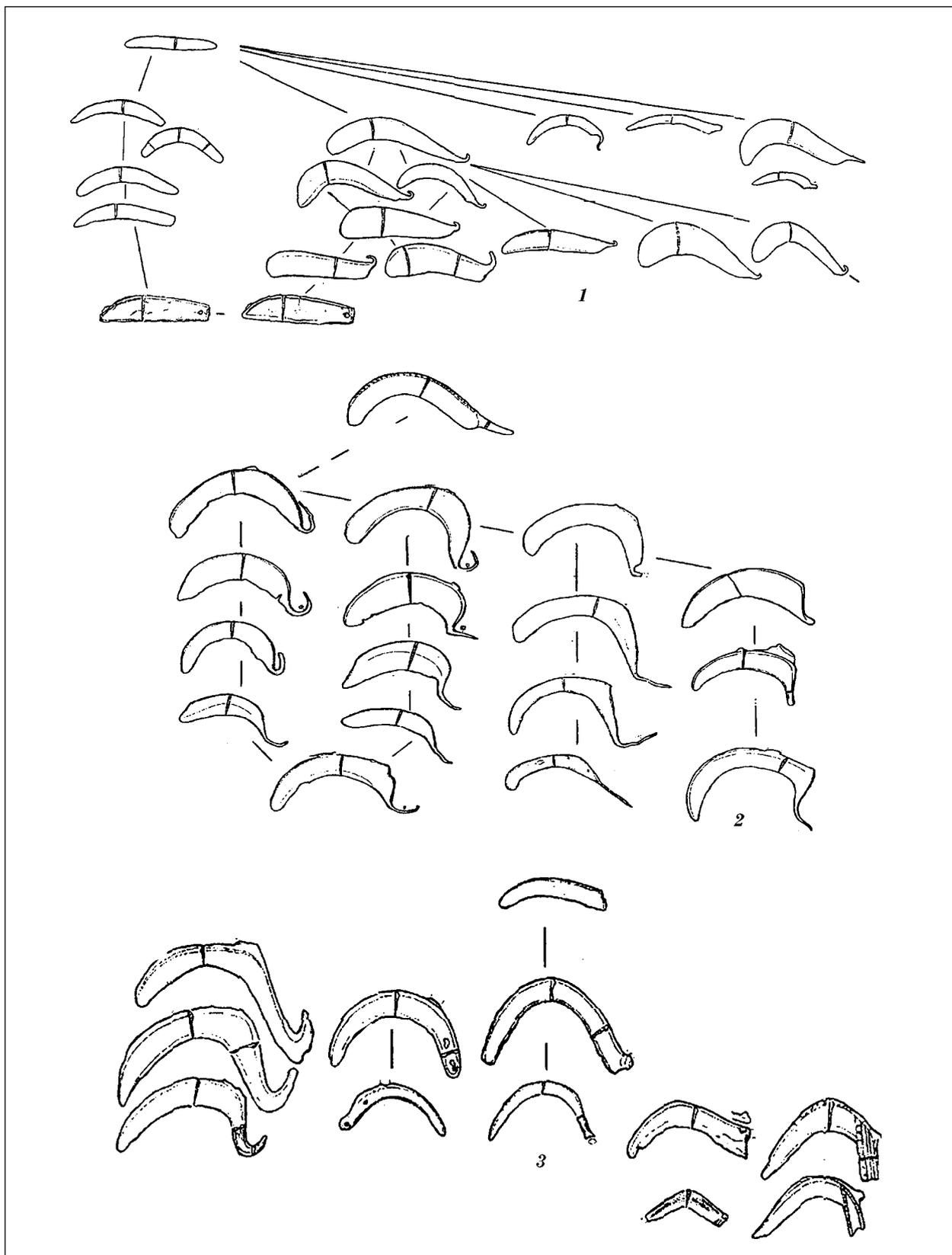

Рис. 1. Типология серпов [Дергачев, Бочкарев, 2002]: 1 — серпы Волго-Уральского региона; 2 — серпы Северо-Кавказского региона; 3 — серпы Карпато-Дунайского региона

льческий уклад, с присущей ему оседлостью (дунайский бассейн), и в тех, где доминировало пастушеское скотоводство, связанное с подвижным образом жизни (евразийская степь). Руч-

ным земледелием в скотоводческих обществах занимались, как правило, женщины [Андрианов, 1978]. Особенно это касается подвижных скотоводов, где труд земледельца был непре-

стижным, мужчины пасли стада, а немногочисленные поля обрабатывали женщины, дети, старики [Калиновская, 1989]¹. К тому же экспериментальные данные (на примере трипольской культуры) подтвердили, что кремневые серпы не уступали в производительности медным [Видейко, 2004, с. 141]. Эти сведения позволяют усомниться в том, что труднодоступный и сложный в добыче металл использовался для изготовления орудий, предназначенных для группы населения достаточно низкого социального статуса, для неподходящего мужчине-скотоводу (по уровню престижности) труда, и при наличии кремневого аналога. Все остальные предметы из кладок, без сомнения, связаны с мужскими и определенно почетными занятиями — военное дело и металлургия.

Особенно интересна связь металлических «серпов» с достаточно мобильными «культурами колесничих» среднего периода бронзового века, в которых доминирующую роль играла военная аристократия (бабинская, абашевская, Синташта). Полагают, что именно племена бабинской культуры (многоваликовой керамики) первыми в Северном Причерноморье овладели искусством ведения боя на легких колесницах, запряженных лошадьми [Давня історія України, 1997, с. 412]. Возможно, в какой-то степени такую ситуацию можно объяснить этнографическими параллелями с достаточно удаленной территории. В средневековой Японии серп на длинном древке (гэккэн) использовался, в основном, против конных воинов, а нагината (японский вариант алебарды с наконечником в виде широкого сабельного однолезвийного клинка, загнутого на конце) изначально использовалась простыми пешими воинами для подсекания ног лошадей. Широкое распространение получили серпы в культурном блоке Сабатиновка-Ноуа-Козлоджен, преобладая в первой из культур этой связки [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 308]. При этом именно племена сабатиновской культуры приняли участие в походах «народов моря» с Балканского полуострова в Малую Азию и Египет² [Клочко, 1990], что указывает на достаточно высокий уровень «военизации» сабатиновского общества.

Встречаются серпы в погребениях, а также, в меньшем количестве, — на поселениях; лишь в петровской культуре Волго-Уралья находки серпов связаны, преимущественно, с поселениями. В погребениях серпы находят в контексте, который не позволяет соотносить умершего с

социальной ролью земледельца. Так, в захоронениях синташтинского и потаповского типа [Костюхов, Епимахов, Непин, 1995; Васильев, Кузнецов, Семенов, 1992] помимо серпов, присутствуют кремневые наконечники стрел (Каменный Амбар V, 12/2; Утевка VI, к. 6, п. 6), костяные псалии с шипами, нож, тесло, долото (Утевка VI, к. 6, п. 6), украшения и керамика (Синташта, могильник С1, п. 12), ножи, шилья, тесло, украшения, керамика (Каменный Амбар V, 12/2).

Некоторые серпы выделяются особенностями, которые не являются характерными (или необходимыми) для жатвенных орудий. В Волго-Уралье часть изделий, соотносимых с типом Дербедень, имели поперечный и продольный изгибы лезвия, в связи с этим предполагается, что они могли выполнять ударно-режущие функции [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 99]. Серпы типов Береговка и Кундрава (также из Волжско-Уральского региона), характеризующиеся крупными размерами и массивным обликом, зачастую имели заточенное с двух сторон лезвие [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 21, 43]. Крюкастые серпы карпато-трансильванской серии всегда имели укрепленную рельефным валиком спинку, корпус в лезвийной и рукоятной части усилены одной (реже двумя) продольными рельефными канелюрами, для среднедунайской серии характерны рельефные нервюры на рукоятках. Нервюры применяют для увеличения жесткости и устранения возможного прогиба в различных изделиях³.

На наш взгляд, все рассмотренные выше положения дают возможность предположить, что в кладках бронзового века серпы являлись не сельскохозяйственными орудиями, а эффективными и широко распространенным оружием ближнего боя, что и обусловило достаточно большое количество их находок⁴. При таком их рассмотрении (серпы как вид оружия ближнего боя) эти артефакты на семантическом уровне являются органической составляющей кладок бронзового века, а не инородным дополнением.

Серп является распространенным сельскохозяйственным орудием на обширных территориях земного шара (рис. 2, 2, 3). Полагают, что изогнутость является естественной, эргономичной формой инструмента (при наличии достаточно разнообразных типов), соотносённой со строением человеческого тела. Исследователями отмечается полифункциональность большинства металлических артефактов брон-

1. Жатва с помощью серпа была женской работой и в России нового времени, это отразилось, к примеру, в живописи: имеются картины Венецианова, посвященные сельскому быту, где с серпами изображены женщины, мальчик-подросток, но никогда — взрослые мужчины.

2. Справедливости ради отметим, что на имеющихся изображениях военных сцен «народы моря» изображены с прямыми мечами.

3. Среди предметов вооружения (ближнего боя или дистанционного) продольная нервюра традиционна на кинжалах и длинноклиновом оружии, наконечниках копий, стрел, где она усиливает прочность клинка (лезвия). Но сельскохозяйственное орудие, тем более применяющееся сезонно, не испытывает тех же нагрузок или давления, что боевое оружие.

4. Например, в составе Ингульского кладка находилось более 80 серпов [Черняков, 1985].

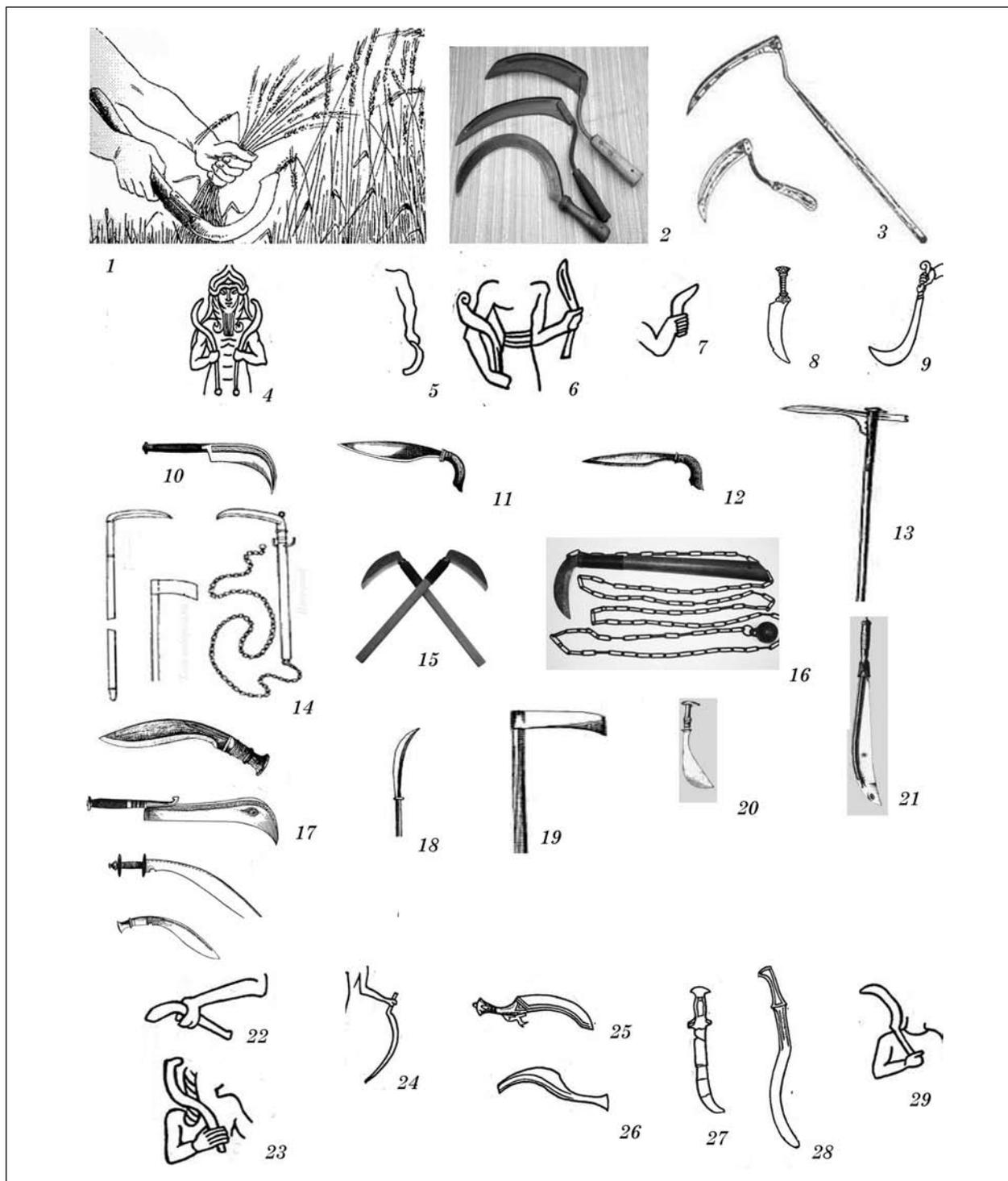

Рис. 2. Серпы и серповидное оружие: 1 — серп как жатвенное орудие; 2, 3 — современные серпы и коса; 4, 5 — Вавилония, XVIII—XVII вв. до н. э.; 6 — Нгирсу (Телло), XX—XVIII вв. до н. э.; 7 — Эбла, Сирия, конец III — начало II тыс. до н. э.; 8 — хопеш, Египет, XIV—XII вв. до н. э.; 9 — греческий сосуд V в. до н. э., Ампурий, Египет; 10 — арит (Малайзия); 11 — бадик (Индонезия); 12 — боло (Филиппины); 13 — гз (Япония); 14—16 — кама, кусари-кама (Япония); 17 — кхури (Непал); 18 — нагината (Япония); 19 — тоэй (Япония); 20 — адьяр катти (Юго-Западная Индия); 21 — рам дао (Непал, северная Индия); 22 — Мари, Месопотамия, середина III тыс. до н. э.; 23 — Нгирсу (Телло) конец III тыс. до н. э.; 24 — Сирия, Месопотамия, XVI—XV вв. до н. э.; 25, 26 — хопеш, Египет, XV—XIV вв. до н. э.; 27 — Бен-Шаан, XIII—XII вв. до н. э.; 28 — Ассирия, 1307—1275 гг. до н. э.; 29 — Язылыкая, Малая Азия, XIII—XII вв. до н. э. (4—9, 22—29 [Горелик, 1993]; 10—19 [Трубников, 1997]; 20—21 [Краткая энциклопедия оружия])

зового века, часть из них могли использовать и как орудия труда, и как оружие, что является вполне рациональным при ценности и

редкости металла. Не исключением являются и серпы, распространенные как боевое оружие в различных частях земного шара (рис. 2,

10—21; 3, 5—7). В одних странах (Филиппины, Индонезия) один и тот же артефакт, считаясь боевым оружием, тем не менее, использовался в сельскохозяйственных работах в сезон уборки. В других странах (Япония) в определенной социальной среде, при недоступности элитного оружия, сельскохозяйственный серп трансформируется в боевое оружие¹.

Медные или бронзовые мечи серповидной формы (с лезвием на вогнутой стороне) возникли в Месопотамии во второй половине III тысячелетия до н. э. и использовались исключительно как рубящее оружие. Отметим, что в середине — второй половине III тысячелетия до н. э. в Месопотамии появляются и металлические боевые ножи², с изогнутым лезвием, причем отсутствие перекрестия, предохраняющего руку от соскальзывания на лезвие, привело к тому, что рукоять стали смещать в сторону спинки. Такая смещенная рукоять прослеживается и на серпах Волго-Уралья, где изгиб лезвия менее выражен, чем в других регионах. Отмечают, что со стороны спинки крюк всегда является ее продолжением [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 59]. Это не является заимствованием, а, скорее, одинаковым решением сходной проблемы. Уже в Кише использовались бронзовые серповидные клинки (длиной до 50—60 см), с лезвием на вогнутой, внутренней стороне. К концу III тыс. до н. э. вырабатывается «классическая» форма серповидного оружия, широко распространившегося вскоре на Ближнем Востоке. В дальнейшем появляются и становятся популярными секачи с двояковыпуклым лезвием, выделяется узкий хвост-черенок для насадки рукояти, оружие могло использоваться и как секира, и как боевой серп (рис. 2, 2—9, 22—29; 3, 8—11). Длина лезвия, имевшего ребро в центральной части, составляла около 40 см, при этом лезвие продолжалось и на внешнюю сторону³ [Горелик, 1993, с. 37—38]. Отметим упоминавшееся выше происхождение серпов

1. Так возник камакобу-дзюцу — комплекс окинавских искусств владения традиционным, так называемым «крестьянским» оружием (в отличие от самурайского — меча, алебарды, секиры и т. п.). Эти искусства зародились на Окинаве в XIV веке, но основное развитие получило значительно позже, в XVII—XVIII веках. Запрет на ношение оружия людьми, не принадлежащими к сословию воинов, породил целый класс техник, рассчитанных на применение в качестве оружия различных бытовых предметов и сельскохозяйственного инвентаря. В числе прочего «арсенала» оказались такие известные сейчас виды, как наконечники трехзубых вил (саи), цепи для обмолота риса (нунчаку) или серпы для риса (кама).

2. Известны более ранние кремневые боевые ножи, с пышно украшенными рукоятями [Горелик, 1993, с. 10—11].

3. Здесь уместно вспомнить упоминавшиеся выше серповидные изделия из Волго-Уралья (типов Береговка и Кундрава), с заточенным с двух сторон лезвием.

Северокавказского центра от серпов куро-аракской культуры, что позволяет предположить их получение из Передней Азии. Не исключается переднеазиатский импульс и для серпов Карпато-Балканского региона, связи этих территорий прослеживаются с эпохи неолита. В начале II тысячелетия до н. э. этот вид оружия из Месопотамии воспринимают Сирия и Палестина, полагают, что оно было весьма эффективным, в дальнейшем оно получило значительное распространение и существовало долго: в Палестине древнейший экземпляр секача, найденный в Сихеме, датируется XIX в. до н. э., ряд других, почти идентичных ему — XIV—XII вв. до н. э. [Мерперт, 2000, с. 267—268]. По предположению М.В. Горелика, это оружие было принесено на запад от Месопотамии сугийскими племенами, с которым и связано движение древних евреев из Южной Месопотамии в Палестину [Горелик, 1993, с. 38, табл. XVIII, 19, 20, 30, 31, 32, 48]. Мечи серповидной формы держат в руках 12 божеств подземного мира, изображенных в хеттском святилище Yazilikaya, на нем боги, экипированные как воины, возглавляют и ведут войско в битву, покровительствуя в бою [Bruce, 2007, p. 16]. В 1991 г. близ Львиных ворот в столице хеттского царства Hattusa были обнаружены серповидные мечи, являющиеся, исходя из содержания найденной надписи, приношением правителя Tudhalyia (XIV в. до н. э.) божеству Storm в честь победы над страной Assuwan [Bruce, 2007, p. 16].

Клинки серповидной формы известны на территории Северной Сирии (их изображения встречены на хурритских и митаннийских печатях), откуда они попадают в Египет. После владычества гиксосов секач получает распространение в Египте, где он известен под названием хопеш (рис. 2, 8; 3, 10), причем встречаются его различные типы — с заостренным и косо обрезанным концом, с широким или тонким клинком. Сперва хопеш являлся царским церемониальным оружием, он находится в руках фараона на всех изображениях Нового царства, а со временем, с середины II тысячелетия до н. э., становится широко распространенным массовым оружием, сочетавшим в себе рубящие, режущие, колющие функции. Изогнутые однолезвийные клинки (с заточкой клинка с выгнутой стороны) использовались в Ахеменидском войске, в чем, полагают, сказались влияния традиции Северной Сирии. Они становятся характерным оружием позднеахеменидской конницы [Горелик, 1993, с. 38—40].

Греческую махейру (копис) принято считать производным от хопеша (рис. 3, 11). Это — односторонний слабо изогнутый меч с внутренней заточкой, бытовавший примерно в то же время, что и персидские серповидные мечи. В самой Греции он был не особенно распространен, но с VI—V вв. до н. э. распространяется в Иберии, откуда был заимствован римскими солдата-

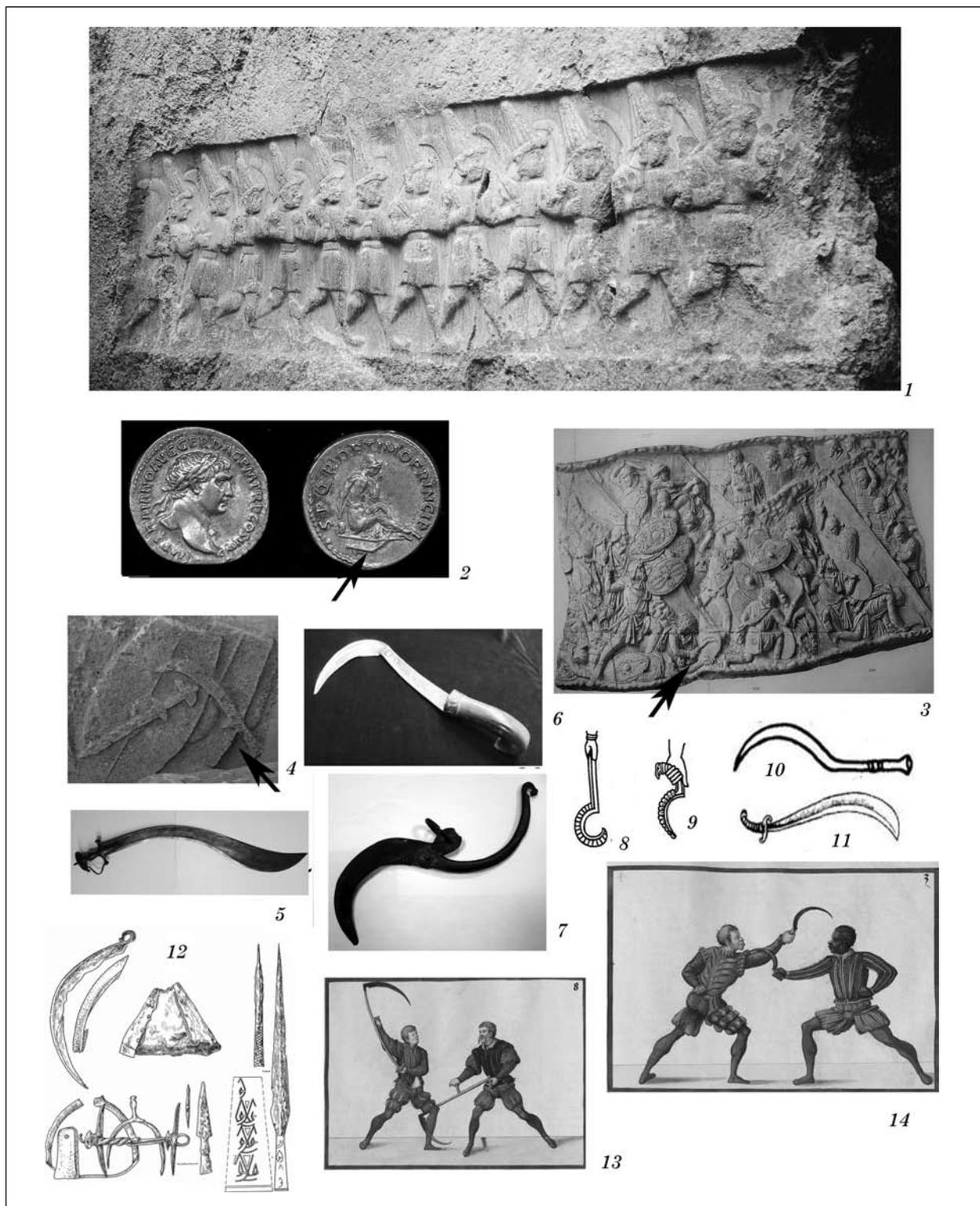

Рис. 3. Серпы как боевое оружие: 1 — Язылыкая, Малая Азия, XIII—XII вв. до н. э.; 2 — денарий Траяна; 3 — барельеф на Колонне Траяна, Рим; 4 — Тгораеум Traiani, Констанца; 5 — меч экзекуционный с внутренней заточкой лезвия (Индия); 6 — лохар, Афганистан; 7 — складной боевой серп, Индия, XIX в.; 8, 9 — Ассирия, IX в. до н. э.; 10 — хопеш, Фивы, Египет, XV в. до н. э.; 11 — махейра (копис); 12 — погребение X—XI вв. н. э. (Экриттен в Восточной Пруссии); 13, 14 — Техника ведения боя с помощью косы и серпа (боевой серп, Европа, середина XVI в. н. э.) (1 [Bryce, 2007]; 2 [Schmitz, 2005]; 3 [Cichorius, 1896]; 4 [Florescu, 1965]; 5—7 [Музей истории оружия]; 8—10 [Горелик, 1993]; 11 [Трубников, 1997]; 13, 14 [«De arte athletica»])

ми после войны с Ганнибалом как «gladius hispanicus», то есть испанский меч, и только в XIX в. «испанский меч» получил название

фальката (falcata или falcata iberica). Ранние образцы фалькаты являются повторением греческого кописа, в дальнейшем видоизменяется

рукоять оружия, становясь менее массивной. Ширина клинка копья/фалькаты расширяется по направлению к кончику, вследствие этого центр тяжести смещается (на удаление от руки), а кинетическая энергия удара увеличивается¹. При завоевании Македонии в конце III в. до н. э. римская кавалерия имела на вооружении «испанскую саблю», удара которой не только не выдерживал никакой шлем, но зачастую он был смертельным.

Серповидные клинки встречаются в VII—VI вв. до н. э. в Волго-Камье, в VI в. до н. э. на Северном Кавказе, они известны в V—IV вв. до н. э. у савроматов [Горелик, 1993, с. 40]. Боевой серп использовали фракийцы в V—IV в. до н. э., наряду с ним они использовали *rhomphaia*, оружие очень похожее на двуручный серп², но гораздо менее резко изогнутое. *Rhomphaia* имели длинное, как у копья, древко (размером не менее клинка), изогнутое (иногда прямое) одностороннее лезвие [Schmitz, 2005]. Серповидный меч был известен у даков, он упоминается как *ensis falcatus* (*falcatus* — серповидный, лат.) в «Метаморфозах» Овидия и как *falx supine* в «Сатирах» Ювенала. [Wilcox, Embleton, 1982, P. 35]. Даки имели боевые серпы двух видов — меньших размеров, одноручные и крупные, двуручные. Короткий вариант на языке даков назывался *sica*, т. е. серп (Valerius Maximus, III, 2.12). Длина лезвия обычно составляла около 40 см, рукоять была на 1/3 длиннее лезвия. [Wilcox, Embleton, 1982, p. 35]. Сохранились изображения даков, вооруженных серповидным мечом (рис. 3, 1—4). Наиболее известными являются фриз-барельеф на «колонне Траяна» в Риме, воздвигнутой в 113 году н. э. в честь побед Траяна над даками [Sichorius, 1896, Taf. LXX], метопы с военными сценами на *Troaeum Traiani* близ Констанцы, сооруженном в честь римского императора Траяна между 106 и 109 г. н. э. в память римской победы над даками в 102 г. н. э. [Florescu, 1965]. На так называемом денарии Траяна на оборотной стороне изображен поверженный дак, сидящий на щите, рядом с ним лежит небольшой серповидный меч [Schmitz 2005].

В I—II тысячелетиях н. э. серповидные мечи по-прежнему находятся на вооружении в Европе и на других континентах. Интерес представляет погребение воина, найденное у местечка Экриттен в Восточной Пруссии (ныне Калининградская область) и датированное около 1000 года или первой половиной XI в. н. э. (рис. 3, 12). При костяке человека и коня были найдены древнерусский шлем, три наконечника копья (два имели на тулье платиновую серебряную с плетеным и геометрическим орнаментом), серп, точило, нож, шило, остатки ведра и фрагменты блюда, а также удила, два стремена,

шпора [Кирпичников, 2009]. Таким образом, контекст находки позволяет нам отнести этот серп к категории боевых. В европейском средневековом трактате о воинском искусстве³ «*De arte athletica*» (автор Paul Hector Mair), который датируется около 1550 г., есть раздел, демонстрирующий основные приемы ведения боя серпом и косою. Правила и наличие определенной тактики свидетельствует о том, что этот вид оружия имел распространение в Европе в средние века (рис. 3, 13, 14).

Серпы из кладов бронзового века находят аналогии в оружии различных культур и народов, вплоть до современности, что совершенно не связано с заимствованиями, но является аргументом в пользу их боевого назначения.

Особое значение серпа проявляется в библейских текстах, в частности в приводимом ниже отрывке из 14 главы Откровений Иоанна Богослова (Апокалипсис), в которой содержится три видения. В третьем видении изображаются суды, которыми совершится разрушение духовного Вавилона под эмблемой жатвы и выжимания винограда (Откр. 14: 14—20).

«14. И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп.

15. И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела.

16. И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата.

17. И другой Ангел вышел из храма, находящегося на небе, также с острым серпом.

18. И иной Ангел, имеющий власть над огнем, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп, говоря: пусти острый серп твой и обрежь гроздь винограда на земле, потому что созрели на нем ягоды.

19. И поверг Ангел серп свой на землю, и обрезал виноград на земле, и бросил в великое точило гнева Божия.

20. И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий».

Подводя итоги, отметим, что серповидное оружие не является и никогда не являлось чем-то исключительным, хотя оно и не привлекло пока еще внимания исследователей бронзового века Восточной и Юго-Восточной Европы при реконструкции комплекса вооружения и характера войска (несмотря на то, что именно клады, где серпы широко представлены, являются основным источником для подобных реконструкций). Серп у многих народов мог иметь двойное

1. Отметим подобное расширение лезвия на серпах Волго-Уральского региона (рис. 1, 1).

2. Т. е. такой, который следовало держать двумя руками из-за его массивных размеров.

3. Трактат имеет два тома, хранится в Баварской государственной библиотеке <http://codicon.digitale-sammlungen.de/Band>

назначение (бытовое и боевое), при доминировании военной функции под него разрабатывалась техника боевого применения. В дальнейшем серп мог совершенствоваться именно в военном направлении и, в итоге, превратиться в грозное оружие. Таким образом, в контексте кладов эпохи бронзы серп следует относить к боевому оружию ближнего боя. Крупные экземпляры могут соотноситься с разновидностями этого оружия — двуручными серповидными мечами и длиннодревковым серповидным оружием.

Андрианов Б.В. Земледелие ручное // Свод этнографических понятий и терминов. Материальная культура. — 1989. — С. 48—51.

Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. музея антропол. и этногр. — 1981. — Вып. XXVII. — С. 215—226.

Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. — 1990. — С. 3—7.

Балагури Э.А. Поздний период эпохи бронзы // Археология УССР. — К., 1985. — Т. 1 — С. 473—488.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенов А.П. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. — 1992. — № 1. — С. 52—63.

Видейко М.Ю. Хліборобство трипільських племен // ЕТЦ. — К., 2004. — Т. 1. — С. 136—148.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). — М., 1993.

Давня історія України. — К., 1997. — Т. 1.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. — Кишинев, 2002.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы» о семантике предметов и памятников в целом // Стратум плюс. — № 3. — 2010. — С. 145—174.

Евангелист Иоанн. Откровения. // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические — М., 2011.

Иванов В.В., Топоров В.Н. К проблеме функций кузнецов в свете семиотической типологии культур // Млы Всесоюз. симпоз. по вторичным моделирующим системам. — 1974. — Вып. 1 (5). — С. 87—91.

Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 2001.

Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX веках. — М., 1989.

Кирпичников А.Н. Раннесредневековые золоченые племя. — СПб, 2009.

Клочко В.І. «Народиморья» та Північне Причорномор'я. // Археологія. — 1990. — № 1. — С. 10—17.

Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000—900 рр. до Р. Х.). — К., 2006.

Костюхов В.П., Елимахов А.В., Непин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. — 1995. — С. 156—207.

Краткая энциклопедия оружия // <http://www.medieval-wars.com/armory/weapons.html>.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): Автореф. дисс. ... докт. іст. наук — К., 2009.

Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. — М., 2000.

Музей истории оружия, Запорожье // <http://museum-military.com/ru>.

Трубников Б.Г. Большой словарь оружия. — М., 1997.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. — Донецк, 2004.

Черняков И.Т. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // ЗОАО. — 1967. — Вып. 2 (35) — С. 23—37.

Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. — К., 1985.

Bryce T. Hittite Warrior. — Oxford, 2007.

Cichorius C. Die Reliefs der Traianssdule. — Berlin, 1896 — Gloucester, 1988.

Florescu F.B. Das Siegesdenkmal von Adamklissi. Tropaeum Traiani. — Bukarest; Bonn, 1965.

Schmitz M. The Dacian threat, 101—106 AD. — Armidale, 2005.

Mair Paul Hector «De arte athletica» // <http://codicon.digitale-sammlungen.de/Band>.

Wilcox P., Embleton G. Rome's Enemies: Germanics and Dacians. — London, 1982. — V. 1.

С. В. Иванова

ЗБРОЯ У СКАРБАХ ДОБИ БРОНЗИ

Металеві серпи є однією з основних категорій знахідок у скарбах середнього і пізнього бронзового віку Південно-Східної Європи. Традиційно їх відносять до сільськогосподарських знарядь. Розгляд серпів з позицій семіотики, на тлі етнографічних паралелів, дозволяє припустити використання певної їх частини як бойової зброї.

S. V. Ivanova

WEAPONS IN HOARDS OF THE BRONZE AGE

In this article author analyzes the semantics and functionality of metal sickles from the Bronze Age hoards. The context of artifacts of this hoards and the ethnographic parallels allow to consider these products not tools, but weapons.